

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН

ЭВАНС Джеффри - Наффилд колледж, Оксфорд. УАЙТФИЛД Стивен - Пемброк колледж, Оксфорд.

В отличие от большинства исследований, касающихся социальных основ политики, проведенных в условиях западных демократий [1], основным для России является не обсуждение того, происходит ли ослабление связи между принадлежностью к классу и партийными привязанностями, а, скорее, происходит ли возрастание такой связи. Почему? Во-первых, сама демократия в России, поддержка населением партий и кандидатов на выборные должности, равно как и сами партии и кандидаты, находятся в процессе становления. Следовательно, основные типы связей между избирателями и политиками, которые могут стать определяющими для установления социальных основ политических привязанностей, сейчас только зарождаются, хотя со временем, вероятно, они будут укрепляться. Во-вторых, Россия начала делать серьезные шаги на пути построения экономической модели, напоминающей рыночные условия, при которых западное классовое деление стало политически значимым лишь в последние шесть лет. По каждой из указанных выше причин при дальнейшем развитии демократии и рыночной экономики можно ожидать укрепления социальных основ политики в России, что эмпирически подтверждается в данной статье.

Существует еще одно основание нашего интереса к связи между классовой принадлежностью и голосованием в России - теоретическое. Если класс является важным фактором при голосовании, то почему? Если значение классовой принадлежности как фактора политического выбора изменяется во времени, то что является причиной этих изменений? В зависимости от ответов на эти вопросы в западной научной литературе по данной теме можно выделить два подхода: в первом при объяснении политического выбора отдается предпочтение социологическим факторам, во втором - факторам политическим. При первом подходе большое значение придается изменениям в классовой системе как таковой: его представителей можно назвать сторонниками подхода "снизу-вверх" в объяснении политического деления общества. Во втором подходе, напротив, делается акцент на том, что классовые политические привязанности связаны со стратегией самих партий или с изменяющимся характером политических институтов: его представителей можно назвать сторонниками подхода "сверху-вниз".

В социологическом подходе "снизу-вверх" можно обнаружить несколько направлений, в рамках которых политические трансформации объясняются или изменяющимися характеристиками и структурой классов, или образованием новых социальных групп, возникающих на пересечении интересов различных классов, или изменением в социальной психологии избирателей в результате роста уровня образования или бла-

---

Представленное в данной статье исследование было проведено авторами в рамках проекта "Новые формы выражения политических интересов и политического участия в Восточной Европе", которое является частью второй фазы программы "Запад-Восток", подготовленной Британским Советом по Экономике и Социальным исследованиям, и в рамках проекта "Раса, национальность и гражданство в бывшем Советском Союзе", который, в свою очередь, является частью программы INTAS Европейского Сообщества. Мы также хотели бы выразить свою благодарность Владимиру Андреевскому, который был руководителем полевой части исследования в России, за консультации и помощь в работе над проектом.

госостояния общества. Тем не менее, сторонники всех направлений в рамках данного подхода сходятся в том, что источником в отношениях между партиями и социальными классами являются изменения в социальной структуре или экономическом положении классов. Некоторые специалисты объясняют силу классового голосования политическими причинами (теории "сверху-вниз"). Например, Пржеворский утверждал, что "индивидуальное избирательное поведение является результатом влияния активности политических партий. Более точно, относительная значимость классов как детерминантов электорального поведения является кумулятивным следствием стратегий левых политических партий" [2].

В дополнение к анализу степени влияния классовой принадлежности на голосование в России и того, как оно может измениться со временем, можно также выделить достоинства каждого из подходов "снизу-вверх" и "сверху-вниз". Эти подходы являются абсолютно альтернативными. С одной стороны, социологический подход предполагает, что объяснение любого роста классового голосования нужно искать в каких-либо изменениях характеристик классов или их социально-экономического опыта. С другой стороны, в рамках политического подхода в первую очередь нужно обратиться к стратегиям партий и элит вне зависимости от изменений в социально-экономическом опыте классов. Однако может оказаться, что каждый из этих подходов не может дать удовлетворительного объяснения процессам, происходящим в посткоммунистической России [3]. В этих условиях россияне постепенно приобретают представление о своей собственной позиции в новом мире путем соотнесения опыта своего существования в условиях рыночной экономики со своими представлениями о том, какой должна быть рыночная экономика, и, наконец, преобразуют данные представления в свои политические пристрастия. В отличие от обоих подходов, изложенных выше, и результатов предыдущего исследования [4], мы считаем, что причиной роста классового голосования в России является рост политического образования россиян, которое в свою очередь включает, с одной стороны, осознание людьми, принадлежащими к разным социальным классам, недостатков и преимуществ рыночной экономики и возрастающую способность избирателей проецировать этот опыт на выбор той или иной партии или кандидата, с другой.

В подходе, где подчеркивается роль политического образования, не придается особого значения деятельности партий и их стратегий в определении политического выбора избирателей. Согласно ему, сами по себе партии и кандидаты в президенты не определяют политический выбор избирателей, но у партий и кандидатов есть все причины попытаться найти свою позицию по проблемам, которые избиратели считают для себя наиболее значимыми, главными в их жизни. В большинстве государств это экономика, в других странах - этнические или религиозные различия, получившие большой исторический и социальный вес. Если социальные различия будут способствовать углублению различий в социальном опыте, то для сохранения своих позиций партии и кандидаты должны будут еще четче дифференцировать себя от других партий, чтобы сохранить свое положение в партийной системе. Избиратели, в свою очередь, не нуждаются в том, чтобы партии объясняли им, что для них важно, хотя партии могут (и даже должны, если хотят получить общественную поддержку) способствовать политическому образованию избирателей путем прояснения собственной позиции по основным проблемам общества. Для России в рамках этого объяснения внимание акцентируется на росте классовых основ партийных привязанностей в соответствии с тремя факторами: возрастающим опытом классового неравенства; возрастающим пониманием связи опыта существования классов в условиях рыночной экономики и взглядами на нее; углублением понимания позиций партий по различным вопросам политики.

Представленные ниже аргументы важны для построения прогнозов относительно изменений влияния классовой принадлежности на партийные привязанности.

Во-первых, Россия претерпела коренные экономические преобразования, которые заключаются в переходе от плановой экономики к рыночной, начатые в период

правления Горбачева и значительно ускоренные после 1991 г. Хотя реформы все еще продолжают, большинство основных преобразований, таких как либерализация цен, приватизация, гиперинфляция и последующая макроэкономическая стабилизация, пришлось на период с 1993 г. по 1996 г., когда и проводились наши исследования. В течение этого периода граждане России впервые за многие годы столкнулись со свертыванием сферы социальных услуг и государственных гарантий; с реальной безработицей одновременно с повсеместной невыплатой заработной платы и социальных пособий. Другими словами, появились социальные условия для профессиональной классовой дифференциации в рамках рыночной экономики наряду с тем, что влияние рынка может привести к увеличению различий в экономическом положении для разных классов в течение трех лет. Если классовая принадлежность является фактором, влияющим на голосование, и если важность этого фактора со временем возрастает, то одно из вероятных социологических объяснений электоральных различий заключается в том, что они являются результатом различного или даже полярного опыта классов в рыночной экономике.

Во-вторых, россияне пережили коренные изменения в области политической системы, большинство из которых также были проведены в течении трех лет, когда проводилось исследование. Основной предмет борьбы на выборах за это время сместился от простого разделения общества на сторонников реформ и "реваншистов", когда классовые различия вряд ли важны, к гораздо более разнообразным факторам в последующие годы. В связи с этим партии могут вести политическую борьбу, делая особый упор на социальные различия. Существуют доказательства того, что и элиты в данный период оказались сильно поляризованными в силу того, что пытались предстать перед своим электоратом как можно более своеобразными, отличными от других. С каждыми новыми выборами сила партийных привязанностей россиян увеличивалась, по крайней мере, когда речь идет о партийных предпочтениях, а не о членстве или серьезной поддержке той или иной партии. Более того, партии все более дифференцировались друг от друга по своим взглядам на экономические вопросы. Особенно успешной в этом отношении была Коммунистическая партия, которая проделала путь от запрещения в 1991-1993 гг. до завоевания наибольшего количества мест в Госдуме в 1995 г., а также создания серьезной конкуренции на президентских выборах в 1996 г.; такой успех достигнут, в частности, за счет апелляции к людям, проигравшим от реформ. Однако в этот период не только левые партии используют в своей политике фактор класса. Такие же лозунги используют прорыночно ориентированные партии и политики, которые стремятся получить поддержку предпринимателей и других людей, выигравших от проведения реформ. Следовательно, можно с такой же вероятностью утверждать, что значимость классов и ее предполагаемое возрастание - это результат возрастающей способности политических элит и партий донести до избирателей действенные, базирующиеся на их классовых интересах призывы и, в особенности, возрастающего влияния коммунистов как партии, которая объединила избирателей на основе классовой принадлежности.

В-третьих, между чисто социологическим и политическим подходами существуют также теории политического образования российских социальных классов. С точки зрения этого подхода ни социально-экономический опыт классов, ни стратегии, выбранные партиями, не могут стать определяющими при объяснении возрастания влияния классовой принадлежности на голосование. Скорее, сами социальные классы стремятся интерпретировать опыт своей жизни в условиях рыночной экономики в соответствии с их классовой позицией и перенести этот опыт на свое политическое отношение к рынку как таковому, которое, в свою очередь, отражается в положениях, выдвигаемых политическими партиями и кандидатами в президенты. При таком подходе можно ожидать рост влияния социального класса как основы политических привязанностей, но при этом объяснение такого роста нужно искать не только в стратегии партий и элит или влиянии экономики, но и во взаимодействии между этими факторами.

Эмпирические данные получены из трех исследований, проведенных по заказу авторов в 1993, 1995 и 1996 гг. на основе многоступенчатой вероятностной выборки населения России (опрашивалось население в возрасте с 18 лет; лето 1993 г. - опрошено 2030 чел. в 56 нас. пунктах 10 областей; лето 1995 - 2003 чел. в 87 нас. пунктах 49 районов + Москва и С.-Петербург, лето 1996 г. - 2020 чел. в 82 нас. пунктах 49 районов + Москва и С.-Петербург). Данные говорят о том, что связь между классовой принадлежностью, поддержкой экономики и политическими привязанностями с каждым годом становится все более ясной. Это обстоятельство позволяет предположить, что возрастание влияния классовой принадлежности на голосование в России является результатом политического образования российских избирателей, в процессе которого они все больше и больше сопоставляют свой экономический опыт с пониманием рынка и позициями политиков по отношению к рынку. Таким образом, данные соответствуют модели политического образования, которую мы описали выше, и не могут быть объяснены влиянием только социальных факторов или только политическими стратегиями партий.

С нашей точки зрения, класс следует понимать через совокупность профессиональных характеристик, объединяющих работников разных секторов экономики - наемных работников и людей, работающих на себя, тех, кто получает доход, и тех, кто получает зарплату, руководителей и руководимых, пользующихся льготами и тех, кому льготы не полагаются, - то есть характеристик, в соответствии с которыми люди строят различные экономические стратегии и имеют различные шансы в жизни [8]. Эти характеристики социального класса, в свою очередь, тесно связаны с другими, такими как социальный статус и доход, хотя и не определяются ими [9]. Следовательно, классовое положение говорит о трудовом положении (то есть о положении работодателя, человека, работающего на себя или наемного работника), а также о положении в рамках широкой категории наемных работников. В данном исследовании классовое положение эмпирически измеряется с помощью алгоритма, разработанного Голдторпом и Хитом [10] совместно с британским Центром изучения населения, переписи и социальных исследований (ISCO) и с учетом информации о местных особенностях, с тем чтобы иметь в виду как весь спектр сельскохозяйственных профессий, так и различные модификации сохранившейся коммунистической структуры профессионального деления. Из полученной классификации людей по классовому положению мы составили 11 стандартных категорий социальных классов. Эти категории, в свою очередь, были сгруппированы в более широкие с учетом особенностей российской социальной структуры. Таким образом в анализе, представленном ниже, мы использовали пять категорий: "белые воротнички" (класс I); мелкие служащие и работники умственного труда (классы II и III); мелкая буржуазия (классы IVa и IVb); рабочий класс (классы V, VI и VIIa); и, согласно принятой в Восточной Европе терминологии, крестьяне (классы IVc и VIIb). Чтобы учесть возможность того, что сложная схема социальных классов Голдторпа-Эриксона не так уж необходима для описания связи класса и голосования в России, мы также рассматриваем влияние на партийные привязанности простого дихотомического деления на классы, при котором рабочие и крестьяне объединены в категорию "рабочий класс", а остальные образуют категорию "средний класс".

Применение классовой схемы, разработанной на Западе, для ситуации, где профессиональные характеристики отображают, помимо прочего, и бывшие коммунистические принципы распределения, и зарождающиеся капиталистические отношения, неизбежно сопряжено с трудностями (несмотря на обнадеживающие результаты применения классовой схемы в Восточной Европе [11]). Из чего следует, что операционализировать понятие социального класса в России будет гораздо сложнее, чем в Великобритании. Тем не менее, на данной стадии нашего исследования классовых отношений в посткоммунистическом обществе результаты, полученные даже с помощью несовершенных методов измерения, вероятно, делают их использование оправданным. В конце концов, главным следствием слабости существующих методов

измерения будет недооценка различий между классами по сравнению с тем, что можно было бы получить с помощью более точных индикаторов классового положения. Поэтому более совершенная операционализация понятия класса в России не сможет ослабить наших выводов относительно значимости социального класса в политике, так как улучшение в системе измерения может привести лишь к повышению этой значимости.

Политические предпочтения измерялись на основании ответов на вопрос о намерении голосовать в 1993 г. и 1995 г., и о реальном выборе при голосовании в 1996 г., когда исследование проводилось сразу после президентских выборов. Зависимой переменной в анализе является поддержка респондентами кандидатов в президенты, а не партий, так как процент респондентов, способных выразить партийную приверженность 1993 г., был слишком мал для полноценного анализа (и к тому же в целом этот процент немного меньше, чем процент тех, кто имеет президентские предпочтения), а также потому, что использование партийных предпочтений исключает сторонников Ельцина, который не имел своей партии.

Для анализа данных мы объединили всех кандидатов в президенты в 1996 г. в два блока, один из которых состоит из Ельцина, Гайдара и Явлинского в 1995 г. и Ельцина и Явлинского в 1996 г., а второй из Жириновского и Лебеда. Объединение всех сторонников столь разных кандидатов в два блока не означает, что нет разницы в социальных основах между этими кандидатами, а означает лишь то, что эти различия не имеют классового характера, к тому же анализ, сделанный в других работах показывает, что эти кандидаты выдвигают довольно схожие идеологические лозунги, что оправдывает объединение их в один блок [12].

Использование предпочтения кандидатов на пост президента вместо партийных предпочтений может оказать следующее влияние на наш анализ: во-первых, влияние личных симпатий и личностных характеристик кандидатов здесь выше, чем в предпочтениях партий; а во-вторых, в анализ выборов 1996 г. были включены менее вовлеченные в политику респонденты, которые хотя и высказали свои предпочтения, но только потому, что президентские выборы проходили недавно, а в предыдущие годы они могли не иметь никаких предпочтений. В результате вышеуказанных факторов можно ожидать ослабление влияния классовой принадлежности на голосование, поэтому если мы обнаружим какой-либо рост этого влияния в нашем анализе, в реальности такой рост должен быть еще более значительным.

Первоначальные оценки связи между классовой принадлежностью и голосованием, а также изменения этой связи в течение трех лет, когда проводилось исследование, приведены в таблице 1, в которой сделано сравнение представителей рабочего и среднего класса по отношению к трем кандидатам в президенты. Данные показывают некоторые важные изменения в относительной приверженности этих двух классов конкретным кандидатам. Например, можно увидеть значительное возрастание различий между рабочим классом и средним классом в голосовании за Ельцина (коэффициент отношения рабочего класса к среднему классу в 1993 г. - 0,89; 0,85 в 1995 г. и 0,71 в 1996 г.): Пропорции избирателей, голосующих за кандидатов из антиреформаторского крыла, Руцкого и Зюганова, снижаются в противоположном направлении (коэффициенты отношения среднего класса к рабочему классу: 0,93 в 1993 г.; 0,86 в 1995 г.; 0,68 в 1996 г.). Классовые различия также очевидны для "блоков" Жириновский и Жириновский/Лебедь, но в данном случае проявляется тенденция скорее к уменьшению, чем к росту классовых различий в поддержке этих кандидатов. В целом, однако, из таблицы 1 очевидно возрастание классовой основы политических привязанностей в российской политике в течение периода проведения нашего исследования (по крайней мере в сравнении между "блоком" Руцкой/Зюганов и Ельциным).

В таблице 2 представлены результаты регрессии с использованием пятичленной классовой схемы. Рассматривая в первую очередь поддержку Ельцина в сравнении с Жириновским и блоком Жириновский/Лебедь, мы не обнаруживаем значимого влияния пятичленной классовой схемы в целом в 1993 г. Значимые различия обнаруживаются в

**Намерение голосовать за кандидатов в президенты по социальным классам в 1993-1996 гг.
(в % к числу опрошенных)**

Классы	Кандидаты в президенты								
	1993			1995			1996		
	Ель-цин	Жири-новский	Руцкой	Ель-цин	Жири-новский	Зюга-нов	Ель-цин	Жири-новский	Зюга-нов
I. Класс "белых воротничков"	66,7	5,2	28,1	70,4	11,2	18,3	55,5	21,7	22,8
II. Служащие / работники умственного труда	58,0	6,8	35,2	74,1	12,7	13,2	51,4	18,6	30,0
III. Мелкие предприниматели	66,7	9,1	24,2	54,8	38,7	6,5	50,0	28,6	21,4
IV. Крестьяне	36,8	15,8	47,4	75,0	10,0	15,0	32,7	15,8	51,5
V. Рабочий класс	59,2	10,5	30,3	59,8	18,9	21,3	39,4	26,9	33,7
Комбинация из вышеперечисленных групп:									
I, II & III	61,3	6,5	32,2	71,0	14,1	14,9	52,9	20,1	27,0
IV & V	56,8	11,1	32,1	60,9	18,2	20,8	38,4	25,3	36,3
Количество респондентов	465	67	252	443	105	115	642	318	443

Таблица 2

Логистическая регрессия голосования по двухклассовой схеме по выбранным комбинациям кандидатов по годам

Классы	Кандидаты в президенты					
	1993	1995	1996	1993	1995	1996
	Ельцин (1) против Зюганова (0)	Ельцин (1) против Жириновского/Лебеда (0)	Ельцин (1) против Жириновского/Лебеда (0)	Ельцин (1) против Руцкого(0)	Ельцин (1) против Зюганова	Ельцин (1) против Зюганова
	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)
Средний класс	.61 (.26)*			.07(.16)		
Рабочий класс	5.44*	.41 (.22)	.55(.14)**	.22	.48(.21)*	.62(.13)**
Модель Chi-Square (4 df)		3.45	15.83**		5.28*	24.71**

* - Значим на уровне $p < 0,05$; ** - Значим на уровне $p < 0;01$.

Влияние среднего класса подсчитано относительно рабочего класса как референтной категории.

данных 1995 г. и 1996 г., где доля сторонников Ельцина среди белых воротничков и среди работников умственного труда намного больше, чем среди рабочего класса, который служит референтной группой в данном логистическом регрессивном анализе. Крестьяне не отличаются от рабочего класса в своих ориентациях по отношению к

упомянутым кандидатам. Такая картина сохраняется и в 1996 г. Однако анализ бета-коэффициентов для различных социальных классов не показывает возрастания связи класс-голосование. Значения возрастают или убывают без определенной системы, и в течение трех лет не видно существенных различий. Класс "белых воротничков" и класс работников умственного труда выделяются среди других своим четким предпочтением Ельцина по отношению к Жириновскому/Лебедю, но число сторонников Ельцина среди этих классов не увеличивается со временем.

Рассматривая поддержку Ельцина в сравнении с Руцким, Зюгановым, мы видим, что ситуация несколько меняется. В 1993 г. вся модель в целом достигает статистической значимости, при этом особенно резко выражено влияние крестьян, которые больше других социальных классов поддерживают Руцкого. Однако, это отличие крестьян от других социальных классов пропадает в 1995 г., когда вся модель стала статистически не значимой (при этом лишь 20 крестьян выразило хоть какие-либо предпочтения кандидатов в президенты). К 1996 г. классовые различия стали довольно четкими: крестьяне стали поддерживать Зюганова больше, чем рабочий класс, тогда как класс "белых воротничков" и класс работников умственного труда более активно поддерживали Ельцина. Такая картина роста классовых различий в данном сравнении подтверждается при анализе коэффициентов для отдельных групп, которые значительно возрастают во времени, особенно для категорий "белых воротничков" и работников умственного труда. Первые, в особенности, все больше отличаются в своих предпочтениях от работников физического труда в период исследования.

Модели логистической регрессии подтверждают рост различий между классами в поддержке Ельцина против блока Руцкой/Зюганов и указывают на важность различий в классовом характере поддержки Жириновского/Лебеда в сравнении с Руцким/Зюгановым. Мы можем заключить, что классовые различия являются важными и становятся все более важными в том, что касается расхождений в электоральных предпочтениях в России-тех расхождений, которые, скорее всего, отражают традиционные различия между левыми и правыми взглядами на экономическую политику. Следующий шаг - объяснение причины изменений в классовых основах электоральных предпочтений Ельцина против Руцкого/Зюганова.

Социологический подход "снизу-вверх", описанный выше, предлагает один вероятный способ объяснения возрастания важности классовой принадлежности при голосовании и изменений в классовой структуре электоральных различий. Коротко говоря, класс более важен и некоторые классы более тесно связаны с отдельными кандидатами в связи с различиями во влиянии экономического опыта на различные социальные классы. С точки зрения экономического опыта, классы все сильнее отличаются друг от друга, и это сказывается на различиях в их избирательных предпочтениях. Для того чтобы объяснить эти изменяющиеся отношения, нам необходимо показать, что классы становятся все более и более различными в том, что касается существования в условиях рынка.

Для проверки этого предположения мы используем сравнительные оценки опыта существования в условиях рыночной экономики, полученные из каждого исследования. Эти данные показывают, как респондент оценивает изменения уровня жизни его семьи за предыдущие пять лет. В следующем вопросе респондента просят оценить состояние рыночной экономики в России в настоящее время. Все ответы давались по пятибалльной шкале (кодировались от одного до пяти); при этом наибольшее значение соответствовало позитивному ответу. Если социологический подход верен, можно ожидать больших различий между классами в данных оценках, в свою очередь, растущие между классами различия пропорциональны уже отмеченным нами изменениям во взаимоотношениях класса и голосования.

Мы обнаружили существование ожидаемых различий между классами по каждой оценке опыта существования в условиях рынка, и эти различия в целом увеличиваются с течением времени. Так, в 1993 г. классы не сильно отличаются в восприятии своего уровня жизни в течение предыдущих пяти лет, хотя класс мелкой буржуазии

Логистическая регрессия голосования по пятиклассовой схеме по годам

Классы	Кандидаты в президенты					
	1993	1995	1996	1993	1995	1996
	Ельцин (1) и Жиринов- ский (0)	Ельцин (1) и Жиринов- ский/ Лебедь (0)	Ельцин (1) и Жиринов- ский/ Лебедь (0)	Ельцин (1) и Руцкой (0)	Ельцин (1) и Зюганов (0)	Ельцин (1) и Зюганов (0)
	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)
"Белые-воротнички"	.82(.44)	.68(.30)*	.56(.19)**	.19(.23)	.31 (.26)	.74(.18)**
Служащие / работники умственного труда	.41(.31)	.61 (.28)*	.64(.17)**	-.17(.18)	.69(.27)*	.39(.15)**
Мелкие предприниматели	.26(.64)	-.80(.41)*	.18(.46)	.34(.43)	1.10(.76)	.69(.50)
Крестьяне	-.88(.52)	.86(.77)	.34(.32)	-.92(.38)*	.57(.65)	-.61 (.24)*
Рабочий класс	9.01	16.20**	17.98**	9.59*	8.52	34.72**
Оценка модели Chi-Square (4df)						

* - Значим на уровне $p < 0,05$; ** - Значим на уровне $p < 0,01$.

Влияние среднего класса подсчитано относительно рабочего класса как референтной категории.

явно более позитивен в своих оценках, чем рабочий класс (разница между классами равна 0,58). Однако, к 1996 г. различия между классами обозначились гораздо четче: класс мелкой буржуазии теперь намного выше в своих оценках (0,99), чем рабочий класс, также как и класс белых воротничков (с 0,16 в 1993 г. до 0,58). Такие же различия мы обнаруживаем в ответах респондентов на вопрос об ожидаемом изменении их уровня жизни в следующие пять лет: опять предприниматели и в меньшей степени "белые воротнички" более склонны представлять свое будущее благоприятным, чем крестьяне к 1996 г. Не удивительно, что эти классовые различия выражались не так четко, когда респондентам задавали более общие вопросы о функционировании рынка в стране.

Мы можем заключить, что переход к рынку по-разному отражается на представителях различных классов, и эта разница усугубляется со временем. Это говорит о том, что изменения во взаимоотношениях между классовой принадлежностью и голосованием могут быть рассмотрены сквозь призму углубляющих различий в положении классов в условиях рыночной экономики. Однако, чтобы ответить на этот вопрос более убедительно, требуется проанализировать, могут ли экономический опыт и экономические ожидания служить объяснением роста классовой основы политических привязанностей. Оценить это можно путем включения данных переменных в расширенный вариант логистической регрессии, результаты которого приведены в таблице 2. Если социологический подход верен, то можно ожидать, что возрастание различий между классами в избирательных предпочтениях объясняется ростом классовых различий в экономическом опыте и экономических ожиданиях. Так, например, если возрастающие различия в партийных привязанностях между классом белых воротничков и рабочим классом являются результатом разного опыта экономических приобретений и потерь в ходе развития рыночной экономики, то при *исключении* влияния фактора экономического опыта коэффициент класса должен снизиться до нуля. В таблице 3 представлены модели классового голосования за Ельцина против "блока" Руцкой/Зюганов, в которых исключено влияние фактора экономического опыта.

Результаты этого анализа не полностью подтверждают аргументы подхода "снизу-вверх". В каждом исследовании экономический опыт, как и ожидалось, в значительной степени связан с голосованием, а коэффициент классовых различий, при подсчете которого рабочий класс выступал как референтный, несколько уменьшился. Однако, в 1996 г. значительные классовые различия тем не менее остаются, что тем более интересно, так как мы не наблюдали их в 1993 г. В частности, класс "белых воротничков" и класс работников умственного труда все больше отличается от рабочего класса своими избирательными намерениями между 1993 г. и 1996 г., даже при исключении влияния фактора экономического опыта. Тем не менее, экономический опыт сам по себе не может объяснить данный аспект классовооснованной политической поляризации. Другими словами, различие в экономическом опыте хотя и служит отчасти объяснением различий в политических привязанностях, но само по себе не является исчерпывающим объяснением возрастающего влияния классовой принадлежности на политические привязанности в 1993-1996 гг.

В начале статьи был описан подход альтернативный социологическому. При этом подходе при объяснении изменяющейся важности классовой принадлежности для политических привязанностей особая значимость придается факторам политическим. С этой точки зрения, причиной возросшего влияния классовой принадлежности на голосование является не экономический опыт классов, а скорее возрастание политического и экономического понимания ситуации, которому способствует деятельность партий, кандидатов, средств массовой информации, а также политическое обучение и переориентация самих индивидов и их семей, которые и составляют социальные классы. Аналогичным образом мы уже продемонстрировали влияние политического образования на экономический, и политический выбор на результатах выборов в 1993 г. в России. Анализ, приведенный в данной статье, подтверждает высказанные ранее выводы.

Для того чтобы проверить это объяснение, мы сначала рассматриваем взаимосвязь между экономическим опытом и поддержкой рынка, когда респондентов спрашивали, поддерживают ли они идею построения в России рыночной экономики. Сила взаимосвязи для выборки в целом показана в моделях, представленных в таблице 4.

Коэффициент R^2 s в таблице достаточно четко показывает, что связь между экономическим опытом и поддержкой рынка за последние годы значительно выросла. Бета-коэффициенты растут не так заметно только из-за возрастания силы взаимосвязи между различными аспектами экономического опыта, а это приводит к снижению суммарного влияния любых из данных коэффициентов (как видно из таблицы 5, корреляция нулевого порядка поддержки рынка возрастает все более заметно на протяжении трех исследований). Это говорит нам о том, что россияне учатся - сами по себе или в результате образовательной деятельности партий, или того и другого вместе - более тесно связывать свои политические предпочтения со своим социально-экономическим опытом.

Следующий шаг: есть ли связь между возрастающей корреляцией экономического опыта и экономических норм, с одной стороны, и ростом классовых различий в отношении этих норм - с другой? Из таблицы 5 видно, что такая связь существует. Классовые различия существовали в 1993 г., при этом представители класса "белых воротничков" больше всех поддерживали рынок, за ними следовал класс работников умственного труда, мелкая буржуазия, затем рабочий класс, и менее всех поддерживали рынок крестьяне. Значения бета-коэффициентов показывают, что со временем эти различия углубляются. В 1996 г. они сходны по значению с величиной взаимосвязи между классовым положением и гораздо более детальной (а следовательно и более дискриминирующей) оценкой левых-правых экономических предпочтений, наблюдаемых на Западе.

Согласно нашему примеру наблюдаются все большие и большие различия в нормах относительно политических привязанностей. Различия в средних значениях поддержки рынка, в зависимости от прошлого голосования или от будущего голосования, оче-

Социально-экономический опыт различных классов по годам

Классы	Средние значения для социальных групп								
	В сравнении с тем, что было 5 лет назад, уровень жизни Вашей семьи значительно снизился, немного снизился, остался прежним, немного повысился ли значительно повысился?			Как Вы думаете, через 5 лет уровень жизни Вашей семьи по сравнению с тем, как Вы живете сегодня, значительно снизится, немного снизится, останется таким же, немного повысится или же значительно повысится?			Как бы Вы оценили ту рыночную экономику, которая уже существует на самом деле?		
	1993	1995	1996	1993	1995	1996	1993	1995	1996
"Белые воротнички"	2,21 (1,19)	2,21 (1,28)	2,46 (1,28)	2,80 (1,03)	2,95 (0,94)	3,08 (0,94)	2,21 (0,89)	2,30 (0,99)	2,72 (1,03)
Служащие / работники умственного труда	2,18 (1,20)	1,98 (1,16)	2,07 (1,17)	2,83 (1,03)	2,81 (0,98)	2,88 (0,89)	2,22 (0,95)	2,27 (0,97)	2,58 (0,98)
Мелкие предприниматели	2,63 (1,36)	2,73 (1,28)	2,87 (1,36)	2,82 (1,13)	3,27 (0,92)	3,35 (1,05)	2,50 (0,90)	2,68 (1,04)	3,10 (0,98)
Крестьяне	2,05 (1,05)	1,77 (1,04)	1,88 (1,07)	2,72 (1,03)	2,70 (0,94)	2,83 (0,91)	2,29 (1,02)	2,15 (0,87)	2,64 (1,00)
Рабочий класс	1,91 (1,00)	1,67 (1,00)	1,63 (0,88)	2,78 (1,11)	2,43 (0,94)	2,67 (0,87)	2,32 (1,04)	2,34 (1,04)	2,40 (0,90)

Высокое значение показывает более высокий уровень жизни (на шкале от 1 до 5).

В столбцах первое число - выражение коэффициента R^2 's, второе в скобках — бета-коэффициент.

Таблица 5

Регрессионный анализ оценки рыночной экономики различными классами по годам (приведенные коэффициенты - нестандартизованные бета-коэффициенты)

Классы	По сравнению с последними 5 годами			В последующие 5 лет			Оценка нынешней рыночной экономики		
	1993	1995	1996	1993	1995	1996	1993	1995	1996
	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)	B(SE)
"Белые воротнички"	.16 (.08)*	.45 (.07)**	.59 (.07)**	.08 (.07)	.24 (.06)**	.25 (.06)**	-.09 (.07)	.15 (.06)*	.09 (.07)
Служащие / работники умственного труда	.13 (.06)*	.21 (.07)**	.19 (.06)**	.11 (.06)	.11 (.06)*	.05 (.05)	-.07 (.05)	.12 (.05)*	-.06 (.06)
Мелкие предприниматели	.56 (.14)**	.99 (.14)**	.99 (.21)**	.09 (.13)	.54 (.12)**	.52 (.17)**	.21 (.12)	.53 (.12)**	.46 (.18)*
Крестьяне	-.14 (.11)	-.09 (.13)	-.24 (.11)*	.05 (.10)	-.27 (.11)*	-.15 (.09)	.03 (.10)	.19 (.11)	-.24 (.10)*
Рабочий класс	-	-	-	-	-	-	-	-	-
R^2	.01**	.04**	.05**	.00	.02**	.02**	.00	.01**	.01**

Влияние классов подсчитано относительно рабочего класса как референтной категории. Высокое значение означает положительный опыт.

Логистическая регрессия голосования на класс и экономический опыт по годам

Классы	Кандидаты в президенты		
	Ельцин (1) и Руцкой (0)	Ельцин (1) и Зюганов (0)	Ельцин(1)и Зюганов (0)
	1993	1995	1996
	B(SE)	B(SE)	B(SE)
"Белые воротнички"	.09(.25)	.10028)	.59(.21)**
Служащие / работники умственного труда	-.21 (.20)	.49(.29)	.42(.17)*
Мелкие предприниматели	.07(47)	.13(.84)	.01(.59)
Крестьяне	-1.13(.43)**	.44(.71)	-.45027)
Рабочий класс	-	-	-
Рыночная экономика			
Оценка рыночной экономики	.67(.П)**	.85(. 15)**	.80008)**
Последние 5 лет	.38(.09)**	.30(.12)*	.26007)*
Последующие 5 лет	.19(.09)*	32(.12)**	54009)**
Оценка модели	123.09**	80.59**	300.79**
Chi-Square, 7df			

* - Значим на уровне $p < 0,05$; ** - Значим на уровне $p < 0,01$.

видны и все более возрастают. Сторонники Ельцина (или блока Ельцина) настроены наиболее прореформаторски, а сторонники Руцкого или Зюганова - наименее. Интересно, что сторонники Жириновского (или блока Жириновский / Лебедь) со временем отдаляются от сторонников Руцкого и Зюганова и занимают позицию между ними и Ельциным. Разница между Ельциным и Руцким в 1993 г. составила 0,81; к 1995 г. выросла до 1,32. Такое положение сохранялось и в 1996 г.

Все больше возрастает способность избирателей - или из-за своего собственного опыта, приобретенного за время участия в нескольких выборах, или из-за активности самих кандидатов - связывать свои нормативные взгляды с голосованием за того или иного кандидата или партию. Следовательно, можно предположить, что рост различий между классами в партийных привязанностях можно объяснять различиями в их принципиальном отношении к рыночной экономике.

Это утверждение проверяется с помощью регрессионного анализа, где зависимой переменной выступают предпочтения того или иного кандидата, а независимой - классовое положение, но на этот раз к влиянию классовой принадлежности мы добавляем фактор поддержки рынка. Если "образовательная" гипотеза верна, то можно ожидать, что рост различий между классами в голосовании объясняется ростом способности избирателей соотносить свой экономический опыт со своими представлениями о рынке, а эти представления - с политическими предпочтениями. Результаты, представленные в таблице 6, согласуются с этим предположением.

Во-первых, отметим, что влияние поддержки рыночной экономики имеет высокий уровень статистической значимости в каждом исследовании, и это влияние растет. Во-вторых, что более важно, за счет этого влияния уменьшается статистическая значимость влияния классовой принадлежности на голосование. Если мы исключим влияние поддержки рынка, различия между классами практически исчезают. Наиболее важно, что то же самое происходит и с различиями между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и классом "белых воротничков", с другой. В 1996 г. эти классы, как было показано выше, значительно отличались друг от друга, даже когда были учтены классовые различия в их социально-экономическом опыте. Возрастание чувства классовой принадлежности является следствием все больших отличий между классами в

социально-экономическом опыте, в возрастании связей между этим опытом и установками по отношению к рынку, и возрастании связи между этими установками и поддержкой того или иного кандидата в президенты.

Мы убедились, что рост важности классовой принадлежности в России - это не просто результат индивидуальных, проистекающих из классового положения, различий в социально-экономическом опыте, но также результат усиливающейся тенденции к соотношению этого опыта с более общими идеологическими взглядами и, наконец, с политическими предпочтениями. Различия между классами в политических предпочтениях в России опосредованы различиями классов в поддержке рынка, а также растущей связью политических предпочтений с экономическим опытом в результате, как мы полагаем, социального и политического образования. Российский электорат со временем становится как более политически грамотным, так и более экономически дифференцированным, и именно этим совокупным влиянием объясняется рост силы и характер взаимоотношений классовой принадлежности и голосования.

Факторы, влияющие на рост политического образования, включают в себя широкий спектр составляющих - от индивидуального осмысления политических процессов до общественного политического образования в условиях нестабильности в экономике и политике или и то и другое вместе - и нам предстоит рассмотреть их в дальнейших исследованиях. Но тем не менее, на основании уже полученных данных, мы можем сказать, что в отличие от других исследователей современной политики посткоммунистической России, мы обнаружили в России социальные различия, проистекающие из классового положения.

Они не могут объясняться ни существованием развитого гражданского общества, ни исключительно влиянием деятельности партий, принимая во внимание низкий уровень развития партий и стимулов для того, чтобы партии или кандидаты обратились к насущным проблемам избирателей, а не занимались своими собственными проблемами. Скорее, в крайне неопределенной экономической и политической обстановке, партии и кандидаты в президенты приблизились к более четким позициям по отношению к экономике и рынку и одновременно выработали более эффективные стратегии привлечения внимания и завоевания признания и борьбы за голоса. Российская избирательная политика со временем становится более структурированной в результате роста способности избирателей соотносить свой социально-экономический опыт со своей классовой принадлежностью и из массы участников политической борьбы выбирать того, кто соответствует их политическим предпочтениям.

Перевод А.В. АНДРЕЕНКОВОЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Goldthorpe J.H.* Class and politics in advanced industrial societies // Lee D.J., Turner B.S. eds., *Conflicts about Class: Debating Inequality in Late Industrialism*, London: Longman, 1996.
2. *Przeworski A.* *Capitalism and Social Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
3. *Evans G.* Class inequality and the formation of political interests in Eastern Europe // *European Journal of Sociology*, 1997. 38. P. 207-234.
4. *Whitefield S., Evans G.* The Russian Election of 1993: Public Opinion and the Transition Experience // *Post-Soviet Affairs (formerly Soviet Economy)*, 1994. 10. P. 38-60.
5. *Breslauer G.* The roots of polarization // *Post-Soviet Affairs*, 1993. 9. P. 223-230. *Brown A.* The October crisis of 1993: context and implications // *Post-Soviet Affairs*, 1993. 9. P. 183-195. *Vite O.T.* Tsentrizm v rossiyskoy politike (rasstonovka sil v gosudarstvennoy dume i vne ee) // *Posil*, 1994. 4. P. 29-36.
6. *Petrenko V., Mitina O., Brown R.* The semantic space of Russian parties // *Europe-Asia Studies*, 1995. 47. P. 835-858.
7. *Sakwa R.* *Russian Politics and Society* (second edition). London, Routledge, 1996. *Тимошенко Т.И.* Российские партии, движения и блоки на выборах в Государственную Думу 17 декабря 1995: опыт, проблемы перспективы // *Вестник МГУ*. 1995 (Серия 12), *Политическая наука*. С. 22-30. *While S., Rose R. and McAllister I.* *How Russia Votes*. Chatham N.J., Chatham House, 1997.

8. *Evans G.* Testing the validity of the Goldthorpe class schema // *European Sociological Review*. 1992. 8. P. 211-232.
9. *Evans G.* On tests of validity and social class // *Sociology*, 1998. 32. P. 189-202.
10. *Goldthorpe J.H., Heath A.* Revised class schema 1992 // *JUSST Working Paper*, 1992. № 13. Nuffield College and SCPR.
11. *Erikson R., Goldthorpe J.H.* *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Oxford: Clarendon Press, 1992.
12. *Whitefield S., Evans G.* The Emerging Structure of Partisan Divisions in Russian Politics // Eds M. Wyman, S. White and S. Oates. *Elections and Voters in Post-Communist Russia*. London: Edward Elgar, 1998a.